

Высшая полиция и эпидемия холеры 1830–1831 гг.

Александр Леонтьев

The Supreme Police and the cholera epidemic
of 1830–1831

Aleksandr Leontiev

(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24060121, EDN: RLQMVO

Эпидемия холеры, охватившая Россию в 1830–1831 гг., стала серьёзным испытанием для властей империи. История распространения болезни, методы борьбы с ней и происходившее при этом накопление медико-полицейских знаний хорошо освещены исследователями¹. Однако, как правило, основное внимание они уделяли деятельности Медицинского департамента МВД, в ведении которого находилась тогда гражданская медицина², распоряжениям министра внутренних дел гр. А.А. Закревского³, работе антихолерной комиссии⁴, а также позиции митрополита Филарета (Дроздова)⁵.

Между тем чрезвычайное происшествие такого масштаба напрямую относилось и к компетенции созданного в 1826 г. III отделения Собственной е.и.в. канцелярии⁶ и образованного в 1827 г. Корпуса жандармов. Как известно, обе эти структуры, формально обособленные, подчинялись одному главному начальнику – шефу жандармов А.Х. Бенкendorфу и отвечали за дела особой государственной важности, или «высшей полиции», как говорили в первой по-

© 2024 г. А.А. Леонтьев

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01576 «Представления жандармских офицеров о России в дореформенную эпоху», выполняемый в Институте российской истории РАН.

¹ Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960; McGrew R.E. Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison, 1965; Henze C.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823–1914. L.; N.Y., 2011; Davis J.P. Russia in the Time of Cholera: Disease Under Romanovs and Soviets. L.; N.Y., 2018; Выскочков Л.В., Шелаева А.А. Холерная пандемия 1830–1831 гг. в Российской империи по воспоминаниям и письмам, газетным заметкам, текстам административных указов и другим личным и официальным источникам // Epidemie i pandemie przez wieki. Gdansk, 2021. S. 259–288.

² Затравкин С.Н. Концепция медицинской полиции: возникновение и практическая реализация // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2020. № 4. С. 100–107; История медицины и медицинской географии в Российской империи. М., 2021. С. 26–50.

³ McGrew R.E. Op. cit. P. 41; Архангельский Г.И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг. СПб., 1874.

⁴ Гессен С.Я. «Холерные бунты». (1830–1832 гг.). М., 1932; Барабанова К.С. Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане в условиях чрезвычайной ситуации. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2017.

⁵ Корсунский И.Н. Деятельность Филарета, митрополита Московского, в холеру 1830–1831 годов. М., 1887.

⁶ ПСЗ-II. Т. I. СПб., 1830. № 449.

ловине XIX в.⁷ В условиях эпидемии им предстояло продемонстрировать свою эффективность. Но, как ни странно, их усилия и роль в правительственные мероприятиях в 1830–1831 гг. практически ни разу не рассматривались историками, несмотря на наличие массива архивных документов, в которых они нашли достаточно полное отражение⁸.

Болезнь, получившая официальное название *Cholera Morbus*, впервые попала в Россию с торговыми караванами из Азии ещё в 1823 г. Тогда она сошла на нет всего через месяц, затронув несколько городов в Астраханской губ. и на Кавказе. Местное начальство не принимало никаких особых мер, а самой холерой заинтересовались только в Медицинском совете Петербурга. В августе 1829 г. болезнь поразила Оренбург, а в июле 1830 г. вернулась в Астрахань, но уже не прекратилась сама собой, а, наоборот, доказывая свою «заразительность», быстро распространилась по волжскому торговому пути и 7 августа появилась в Саратове, 25 августа – в Самаре, 7 сентября – в Казани, 15 сентября – в Москве⁹.

До августа 1830 г., пока под угрозой не оказалась Центральная Россия, гр. Закревский, вопреки мнению Медицинского совета, не устанавливал жёсткие карантинные кордоны и предоставлял местным властям распоряжаться самостоятельно¹⁰. Только 29 августа состоялось первое заседание центральной комиссии для прекращения холеры, и лишь 12 сентября вышел указ, поручавший губернаторам вводить карантин¹¹. Печать также не спешила информировать общественность: в «Северной пчеле» новости об эпидемии стали публиковать только в конце августа¹². Неудивительно, что упоминания о холере в делопроизводстве III отделения появились уже в сентябре, а до того Бенкендорф, возможно, и не подозревал о масштабах бедствия. Характерно, что в начале месяца к нему обратился кронштадтский полицмейстер, просивший оставить в городе штаб-лекаря Миньковского, которого начальство переводило в Саратов. Шеф жандармов ходатайствовал об этом перед министром внутренних дел, но получил вежливый отказ. При этом гр. Закревский ссылался на то, что в Поволжье, «как Вы знаете», бушует эпидемия холеры, и там нужны квалифицированные врачи¹³.

Будучи командующим Императорской главной квартирой, Бенкендорф имел фактически неограниченный доступ к царю, собственно по делам высшей полиции он докладывал еженедельно, а иногда и чаще¹⁴. Поэтому, отправившись 9 сентября в Саратов для личного руководства борьбой с холерой, гр. Закревский именно через Бенкендорфа представлял свои всеподданнейшие доклады и узнавал об оставленных на них резолюциях монарха¹⁵. К шефу жандармов обращался в сентябре 1830 г. и отставной действительный статский советник Н.И. Шредер, которого гр. Закревский звал с собой в Саратов: он

⁷ Подробнее см.: Севастьянов Ф.Л. Государственная безопасность есть предмет уважительный: политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I. СПб., 2016. С. 38–40.

⁸ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321.

⁹ Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. С. 253–254.

¹⁰ McGrew R.E. Op. cit. P. 48–49. Показательно, что Нижегородская ярмарка проводилась в 1830–1831 гг., даже когда опасность массового скопления людей была очевидной.

¹¹ Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. С. 256.

¹² McGrew R.E. Op. cit. P. 41.

¹³ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 1–4.

¹⁴ Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. С. 144.

¹⁵ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 12–12 об.

просил ускорить своё возвращение на службу, нуждался в официальном разрешении отправиться с министром, жаловался на председателя Медицинского совета МВД Ф.И. Энгеля, не выдавшего ему подорожных денег, и т.п.¹⁶

Тем временем Бенкендорф вёл активную переписку с Энгелем, уведомляя его о том, что «с разных сторон слышны жалобы, кои отчасти кажутся справедливыми, от докторов и аптекарей на производимые распоряжения начальства, расстраивающие их благосостояние, без пользы для правительства»¹⁷. Когда в сентябре император «с неудовольствием заметил, что в напечатанном во всех газетах от МВД объявлении всем европейским врачам о приискании средств к истреблению холеры, пропущены французы и французский язык», Бенкендорф сообщил Энгелю о необходимости исправить эту ошибку¹⁸. В течение осени и зимы 1830–1831 гг. Александр Христофорович также получал сведения от управляющего Главным штабом. Военный губернатор Петербурга П.К. Эссен спрашивал у него разрешения на возобновление отправления дилижансов в Москву¹⁹.

В правящих кругах осознавали, что любые карантинные меры потенциально создают опасность бунтов и неповиновения. В мае 1830 г. об этом вновь напомнили беспорядки в Севастополе, где продление карантина в одном из районов привело к столкновению населения с властями, убийству временно-го военного губернатора и нескольких чиновников²⁰. Поскольку наблюдение за настроением подданных и предупреждение бунтов входило в задачи высшей полиции, собирая соответствующую информацию следовало жандармским штаб-офицерам в губерниях, а также окружным генералам. Однако Корпус жандармов находился тогда на ранней стадии организации, большинство штаб-офицеров и даже некоторые из окружных начальники ещё не были назначены²¹. Поэтому сведения поступали в Петербург в основном из Москвы, являвшейся центром 2-го жандармского округа, хорошо укомплектованного кадрами, а также от штаб-офицеров, командированных шефом для непосредственного наблюдения за ситуацией в пострадавших районах. Как правило, эти жандармы не знали специфику губерний, в которых оказывались, и не имели там налаженных контактов.

Одним из первых к решению данной задачи приступил полковник И.И. Нагель, отправленный вместе с гр. Закревским в Саратов. Докладывая о встрече министра с приветствовавшей его делегацией местных жителей, Нагель живо описывал, как граф с ходу принял ругать чиновников и обещал судить тех, кто без разрешения покидал свою службу, резко добавив, что по военным законам они были бы расстреляны. При этом полковник демонстративно не принял хлеб-соль от купечества, завышавшего цены на продовольствие после установки карантина²². Неудивительно, что на подобное обращение служащие ответили пассивным сопротивлением и саботажем министерских приказов²³.

¹⁶ Там же, л. 5–6, 20.

¹⁷ Там же, л. 11.

¹⁸ Там же, л. 13.

¹⁹ Там же, л. 94.

²⁰ *McGrew R.E.* Op. cit. P. 50.

²¹ *Бибиков Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика... С. 193.

²² ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 22.

²³ *McGrew R.E.* Op. cit. P. 62, 73.

Дабы не допустить паники и успокоить народ, Николай I 29 сентября посетил Москву, что произвело сильное впечатление на современников²⁴. А.С. Пушкин и А.А. Дельвиг посвятили этому событию стихи²⁵. Как доносил из Тулы майор М.Л. Бегичев, весть об этой поездке «наполнила все сердца будто целительным бальзамом: уменьшились и опасения насчёт холеры, неприятные толки прекращаются и наконец уже говорят, что в Москве заразы не бывало, а одни только преувеличенные предосторожности ввергли московских жителей в отчаяние. Прославляя имя нашего царя, начинают оживляться надеждою, что и Небесный Царь помилует от преждевременной погибели тот народ, о котором с отеческою заботливостью печётся сам монарх»²⁶. В соответствии с распоряжением обер-прокурора Святейшего Синода при встрече императора в соборе архиереям разрешалось «по древнему обычаю» произносить краткие речи, но их содержание требовало высочайшего согласования. Архиепископ Тверской и Кашинский Амвросий (Протасов), вероятно, опасаясь, что не успеет своевременно получить одобрение, направил текст своего приветствия через Бенкендорфа²⁷.

Жандармские штаб-офицеры сообщали губернаторам и шефу корпуса сведения о злоупотреблениях и взяточничестве на карантинных заставах²⁸. Бегичева начальник губернии даже попросил прислать туда, где были замечены нарушения, рядовых жандармов «для наблюдения»²⁹. Иногда уездные комитеты проявляли излишнюю инициативу, учреждая кордоны между территориями, где холера ещё не появлялась, и готовя помещения для будущих больниц. Чтобы лишний раз не тревожить население, которое в серьёзность болезни не особо верило, тульскому губернатору пришлось отменить эти распоряжения³⁰.

Между тем легкомысленное отношение к эпидемии удивительным образом соседствовало с паникой, которой поддавались и представители местной элиты. Так, Бегичев писал про обягтого страхом архиепископа Тульского и Белёвского Дамаскина (Россова): «Ворота его дома, быв до сего времени всегда отворенными, ныне заперты, и на дворе производится курение. Прежде в домовую его церковь имели вход все сословия, теперь допускается лишь дворянство. И, наконец, сказывают, что будто бы из опасения, дабы не подвергнуться заразе, дела и просительские жалобы и объяснения принимает он через своих келейников, а сии, пользуясь таким поручением, не забывают за доклады собирать деньги с просителей». Отметив, что «пастырь печётся об одной лишь собственной безопасности», майор заключал: «Малодушие непростительно даже и частным людям, не только такому лицу, которое по сану своему пользуется правом первенства»³¹.

²⁴ Холера в Москве (1830). Из писем Кристина к графине С.А. Бобринской // Русский архив. 1884. № 5. С. 136–151; Павловская Л.Е. Холерные годы в России. СПб., 1893. С. 19; *Markus F.C.M. Rapport sur le choléra-morbus de Moscou*. Moscou, 1832. Р. 75.

²⁵ Дельвиг А.И. Мои воспоминания. Т. 1. СПб., 2018. С. 165; Пушкин А.С. Герой // Телескоп. Ч. 1. 1831. С. 46–48.

²⁶ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 23–24.

²⁷ Там же, л. 26.

²⁸ Подробнее см.: Якунин И. Холера в Тамбове в 1830 г. // Вестник Европы. 1875. Т. 5. Кн. 9. С. 211; Гессен С.Я. Указ. соч. С. 6, 14.

²⁹ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 24 об.

³⁰ Там же, л. 62.

³¹ Там же, л. 44.

Штаб-офицеры повсеместно сталкивались с распространением в народе толков и с незначительными случаями неповиновения. Чаще всего в этом уличались крестьяне, особенно (по мнению двух офицеров) экономические, которые, «не видя никогда пред собою начальства, входящего в домашний их образ жизни, не понимают, что все таковые распоряжения (правительства. – А.Л.) делаются для собственного их и общего блага, существованию заразы не хотят верить», а «меры предосторожности от оной называют умыслом дворянства, противным высочайшей воле»³². Согласно донесению подполковника Вепрейского, в с. Каненском Калужской губ. прибывшего для осмотра карантинной заставы губернского предводителя дворянства остановила ожесточённая толпа. Не слушая ни члена земского суда, ни начальника воинской команды, соревновавшей там караул, крестьяне кричали, грубили и даже выпрягли из предводительской коляски лошадей, заставив её владельца возвращаться пешком. Прибывший туда волостной голова заявлял, что только он представляет начальство. Воспользовавшись завязавшейся затем дракой, заседатель приказал запрячь лошадей и покинул село, догнав предводителя в другой деревне. «По благоразумию ли начальника команды или по роду вооружения артиллеристов, – писал жандарм, – только ни один из рядовых не решался при сём случае ударить кого-либо из буйствующих крестьян, которые, как говорят, всемерно старались вывести их из терпения, отчего и кончилось сие без дальнейших неприятностей»³³. Через две недели, 12 ноября, вновь сообщая о волнениях среди экономических крестьян, уже в другом месте, подполковник отметил, что «слухи о волнении умов в народе с каждым днём усиливаются»³⁴.

Склонность к неповиновению демонстрировали и рабочие тульского оружейного завода, имевшие доступ к арсеналу. По словам Бегичева, «образ жизни сих людей – нищета, преданность к пьянству и буйству. А притом издавно питаемое ими негодование на своё начальство служит достаточным поводом к заключению, что они, будучи уже наполнены духом неудовольствия, готовы привести оное в действие при первом удобном случае»³⁵. Поэтому майор рекомендовал немедленно принять меры, которые улучшили бы сложившуюся обстановку. В итоге оружейники так и не взбунтовались, хотя их положение во многом напоминало ситуацию в новгородских военных поселениях, восставших в июле 1831 г., когда холера дошла до Старой Руссы³⁶.

Полковник А.Г. Приклонский сообщал о том, что люди податных сословий, прибывавшие в Рязань из Москвы, разносили слухи о холере, а некоторые из них ездили по деревням и убеждали жителей объявлять себя больными. Узнав об этом от Приклонского, губернатор разослал соответствующие циркуляры, после чего подобная агитация будто бы прекратилась³⁷.

Впрочем, иногда молва угасала быстрее, чем власть успевала отреагировать. Так, подполковник И.И. Огарёв, командированный в Великие Луки, где заговорили об отравлении колодцев, не застал там подобных толков³⁸: горожане уже обсуждали новость о якобы отравленном чае, пока не убедились в её

³² Там же, л. 31–32.

³³ Там же, л. 32 об.–33.

³⁴ Там же, л. 34.

³⁵ Там же, л. 113.

³⁶ Гессен С.Я. Указ. соч. С. 36–62.

³⁷ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 51.

³⁸ Там же, л. 52.

лживости из статьи, напечатанной 7 ноября в «Северной пчеле»³⁹. И хотя в газете речь шла о петербургских магазинах, в уездном городе легко переносили прочитанное на свою почву. Между тем рассказы про отраву в колодцах стали встречаться по всей России⁴⁰.

Карантинный режим заметно обременял население, особенно, если судить по жандармским рапортам, в Москве и экономически связанных с ней губерниях. Когда возникли проблемы с поставками продовольствия, московский генерал-губернатор кн. Д.В. Голицын, полагавший, что от голода последствия могут оказаться хуже, чем от холеры, тайно просил тульского губернатора убедить помещиков отправить в Москву хлеб. Тот обратился к предводителям дворянства, но Бегичев предсказывал, что это ни к чему не приведёт из-за плохого урожая, высоких цен на хлеб в самой Туле и необходимости содержать караван в течение 14-дневного карантина⁴¹. В Калуге крестьянам, многие из которых по 10 месяцев в году жили в Московской губ., работая на фабриках, пришлось вернуться, и они демонстрировали «развращение нравов», пьянствуя от безделья⁴².

Купечество активно жаловалось на порчу товаров при 14-дневном карантине и окуривании, что приносило крупные убытки. О московских делах Бенкендорфу докладывал жандармский генерал-лейтенант А.А. Волков, являвшийся членом холерного комитета и участвовавший в частных собраниях у кн. Голицына. В течение ноября он последовательно доказывал необходимость сначала отмены окуривания, а затем и остальных стеснявших торговцев мер, часто попросту нереализуемых на практике, поскольку «не находится обширного места и пакгаузов для складки и скорого очищения, и нет даже возможности окуривать несметную массу товаров без остановки, ущерба и порчи оных». Между тем стоимость застрявшего в карантине добра, по сведениям Волкова, достигала 400–500 млн руб.⁴³ Аргументируя свою позицию, генерал-лейтенант ссылался на циркулировавшие в народе мнения о том, что окуривание и карантин не влияют на распространение заразы, но, разоряя страну и людей, провоцируют беспорядки⁴⁴. Возможно, эти доводы ускорили снятие основных ограничений, приуроченное к именинам императора 6 декабря.

К тому времени опасения Волкова наглядно подтвердили волнения, разразившиеся 17–19 ноября в Тамбове⁴⁵. Командированный туда вскоре подполковник Огарёв в своих подробных докладах гр. Закревскому, возвращавшемуся через город в столицу, и в письме к Бенкендорфу возложил ответственность за случившееся на губернатора И.С. Миронова. Тем самым жандармский штаб-офицер (и, кстати, только он) фактически принял сторону мешан, на тот момент уже осуждённых военно-судной комиссией под председательством генерал-майора П.П. Годейна, который, как выяснил Огарёв, дружил с Мироновым и даже проводил заседания в губернаторском доме. Осторожно намекая на предвзятость такого суда, жандарм утверждал, что холеры в городе

³⁹ Северная пчела. 1830. 7 ноября. № 134. С. 4.

⁴⁰ Гессен С.Я. Указ. соч. С. 16.

⁴¹ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 60.

⁴² Там же, л. 31.

⁴³ Там же, л. 67.

⁴⁴ Там же, л. 65–80.

⁴⁵ Якунин И. Холера в Тамбове в 1830 г. С. 204–223; Дубасов И. Холерный год в Тамбове // Русская старина. Т. 14. 1875. Кн. 9. С. 744–749; Гессен С.Я. Указ. соч.

не было вовсе, а губернатор переусердствовал, навязывая обывателям меры, угрожавшие их собственности. Когда же от лечения кровопусканием погибли несколько человек, горожане вышли из повиновения. Огарёв считал, что власти могли этого избежать, если бы созвали комитет из представителей всех сословий и врачей, которые под присягой, предусмотренной в военном уставе, продемонстрировали бы наличие холеры и её признаки. Тогда в городе удалось бы сохранить спокойствие⁴⁶.

Ознакомившись с мнением Огарёва, гр. Закревский уже не мог игнорировать всеподданнейшую просьбу мещан, и перед отъездом распорядился пересмотреть дело, поручив наблюдение за ним флигель-адъютанту К.М. Ивеличу. В марте 1831 г. в Тамбов снова выезжал жандармский офицер, подтвердивший выводы своего предшественника⁴⁷. В итоге в сентябре следующего года приговор был незначительно изменён, но через год губернатор вышел в отставку⁴⁸.

Не удержался на своём посту и сам граф, наживший себе врагов в руководстве высшей полиции. В отчёте III отделения за 1829 г. указывалось: «Следовало бы сделать очень многое в этом министерстве, — говорят, — если бы только министр был образованным и просвещённым человеком, но гр. Закревский создан для формы и предрассудков; он не на месте»⁴⁹. В отчёте за 1830 г. его распоряжения получили довольно двусмысленную оценку: «Посылка гр. Закревского в принципе не одобрялась; общество к нему не питало доверия, а партия Голицына старалась поддерживать это предубеждение. Но проявленная министром деятельность оправдала выбор государя и заставила вскоре общество изменить своё мнение в пользу гр. Закревского, о котором громко говорили: “Вот его дело: исполнение полицейских мер, а не управление министерством, где нужно высокое образование, обширные познания и соображения”»⁵⁰. В конце 1831 г., когда с холерой было покончено, граф подал в отставку. III отделение приветствовало её в своём отчёте: «С самого вступления в управление оным министерством гр. Закревского общее мнение ознаменовало его как человека, не имеющего ни того просвещения, ни тех способностей, каковые требуются в Министерстве внутренних дел... При таковом понятии о гр. Закревском все с удовольствием узнали о его отставке»⁵¹.

С января 1831 г. эпидемия пошла на убыль. Как сообщал из Калуги Венрейский: «Восстановившаяся хорошая погода и добрые вести из соседних губерний относительно предполагаемой в оных холеры успокоили унылый дух народа, всё приходит в обычновенную живость, и холера уже не служит первым предметом всеобщего разговора»⁵². В июне болезнь вернулась и даже заставила царя лично наводить порядок в Петербурге. Но первый, самый сложный этап борьбы с ней, завершился. Однако он показал, что верховная власть не имела возможности оперативно реагировать на быстро развивавшиеся в стране события. Даже незначительные вопросы решались в Петербурге на основании сведений, поступавших по длинной цепочке: рапорт жандармского штаб-офицера

⁴⁶ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 104, 137–143.

⁴⁷ Там же, л. 184–191.

⁴⁸ Там же, л. 107; Гессен С.Я. Указ. соч. С. 21.

⁴⁹ Россия под надзором: отчёты III отделения, 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Шербакова. М., 2006. С. 54.

⁵⁰ Там же. С. 68.

⁵¹ Там же. С. 83.

⁵² ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 176.

2-го округа сначала направлялся в Москву к Волкову, который, ознакомившись с ним, пересыпал его Бенкендорфу. Тем же путём указания III отделения следовали обратно. В среднем такая переписка занимала 12 дней. Поэтому когда до Волкова дошёл упрёк начальника, узнавшего из частных источников о ропоте московских купцов, карантинные меры в городе уже отменили⁵³. По той же причине комиссии гр. Закревского в сентябре пришлось покинуть Петербург, но и после этого министр ездил из города в город, не поспевая за распространением заразы⁵⁴.

Характер работы III отделения оставался канцелярским, оно занималось подготовкой докладов, а не подавлением бунтов. Находившиеся в губерниях штаб-офицеры также не имели широких полномочий. Они не участвовали в организации карантинных застав, не посыпались во взбунтовавшиеся селения, но могли, по согласованию с губернатором, пресекать опасные слухи или заседать в губернской антисанитарной комиссии. Считалось, что их основная задача — мониторинг общественного мнения, т.е., по сути, — собирали слухов. Конечно, из-за расстояния до центра принятия решений жандармские донесения не могли предотвратить быстро развивавшиеся события, но они учитывались в столице, когда было достаточно времени на реагирование. Их сила обеспечивалась тем, что через Бенкендорфа мнения штаб-офицеров регулярно доходили до Николая I, который, благодаря такой «наблюдательной полиции», впервые стал регулярно получать сведения от должностных лиц, не зависящих от местной администрации. Эти наблюдения могли пригодиться в дальнейшем — как при новых эпидемиях, так и при оценке способностей того или иного администратора, проявившихся в чрезвычайной ситуации.

В 1830—1831 гг. далеко не в каждой губернии находился особый штаб-офицер. Этот недостаток Бенкендорф компенсировал краткосрочными командировками офицеров и обращением к местным начальникам и министрам. Эстляндский гражданский губернатор барон Б.В. Будберг фактически отчитывался перед ним о пресечении слухов о том, будто эстонским крестьянам разрешено переселяться «в Российские губернии» на опустошённые холерой земли⁵⁵. Из Риги о борьбе с холерой Бенкендорфу писал временный военный губернатор генерал-майор гр. С.Г. Строганов⁵⁶. Слухи о грозившем Слободско-украинской губ. голоде проверял управлявший МВД Энгель⁵⁷. Во всех этих регионах тогда ещё не было постоянно пребывающих представителей Корпуса жандармов, но статус Бенкендорфа позволял требовать нужную информацию у чиновников всех ведомств, причём напрямую, а не через их начальство.

В условиях повышенной социальной напряжённости, часто выливавшейся в неповиновение, и низкой осведомлённости людей о причинах болезни, её симптомах и распространении непредсказуемо возрастало значение даже самых незначительных слухов. Это и определило основное направление деятельности жандармских штаб-офицеров. Бегичев сетовал на то, что «нет никакой возможности открыть настоящий источник, откуда происходят столь нелепые толки, которые в благополучное время не заслуживали бы внимания. Но при стечении нынешних неблагоприятных обстоятельств полагают, что распространя-

⁵³ Там же, л. 55, 96.

⁵⁴ McGrew R.E. Op. cit. P. 62—63.

⁵⁵ ГА РФ, ф. 109, оп. 5, д. 321, ч. 1, л. 199—202.

⁵⁶ Там же, л. 203.

⁵⁷ Там же, л. 118—121.

нение подобных слухов может иметь сильное влияние на слабые умы чёрного народа»⁵⁸. Действительно, штаб-офицеры доносили о каждой мелочи, опасаясь выговора за нерадение. Между тем из их рапортов следовало, что волнения возникали там, где губернские и уездные чиновники слишком рьяно принимались за введение карантина. Ситуация ещё более осложнялась, если скептическое отношение к болезни и врачам накладывалось на накопившееся недоверие населения к местным властям. От деликатности и ловкости уездных исправников, предводителей дворянства, волостных голов, лекарей и проч. напрямую зависело, в какой степени антихолерные меры будут удачны, потребуется ли приезд губернатора или привлечение войск.

⁵⁸ Там же, л. 61 об.